

лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрачную Толу, мы вскорѣ затѣмъ достигли и дома ургинскаго консульства.

Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчъ... Чѣмъ то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша виѣшность такъ сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и не показать мнѣ—меня же самого. „Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ Я. П. Шишмаревъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель Н. М. Пржевальскій, отыкавшій вотъ въ этой большой комнатѣ, которую я приготовилъ для васъ!“.

Въ теченіе недѣли мы отыхали и приходили въ себя, окруженные самыми нѣжными заботами и вниманіемъ какъ со стороны консула Я. П. Шишмарева и его ближайшаго сотрудника В. В. Долбенцева, такъ равно и со стороны временно-пребывавшаго въ Ургѣ военнаго кружка во-главѣ съ генерального штаба подполковникомъ Н. Ф. Домелунксеномъ. Каждый изъ соотечественниковъ старался оказать намъ ту или другую любезность и предупредительность.

Такимъ образомъ время, проведенное въ Ургѣ, мелькнуло незамѣтно. Четырнадцатаго ноября 1901 года мы выступили прежнимъ походнымъ порядкомъ по направленію къ Кяхтѣ. На этомъ извѣстномъ пути мы заранѣе знали мѣста остановокъ каравана, гдѣ уже ожидали экспедицію и теплые юрты, и смѣнныя животныя, и новые проводники. Если въ дорогѣ насъ донимали вѣтры и холода—наибольшій морозъ былъ около тридцати пяти градусовъ девятнадцатаго ноября—то зато въ мѣстахъ ночевокъ мы чувствовали себя превосходно, попивая чай и читая газеты, журналы, которыми въ достаткѣ насыщило консульство.

Кяхта своимъ широкимъ гостепріимствомъ заставила еще болѣе позабыть пережитыя нами невзгоды и лишенія, сочувствие же Петербурга укрѣпило насть въ сознаніи посѣльно исполненнаго долга.